

В. Алексеев

**Из истории верховной власти
в России**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 32
ББК 66
В11

В11 **В. Алексеев**
Из истории верховной власти в России / В. Алексеев – М.: Книга по Требова-
нию, 2026. – 110 с.

ISBN 978-5-458-54016-2

ISBN 978-5-458-54016-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

верховой власти одного изъ членовъ московскаго дома, происходятъ одновременно. Строго говоря, дѣйствіе названныхъ процессовъ не ограничивается предѣлами московскаго государства, т. е. XVII вѣкомъ. Какъ округленіе территорій московскаго государства, такъ и развитіе верховныхъ правъ московскихъ государей продолжаются на всемъ протяжении русской исторіи, и даже въ наши дни трудно указать копецъ обоимъ процессамъ, въ особенности перваго. Верховная власть, даже достигши при Петрѣ I высшей точки въ смыслѣ абсолютизма (неограниченности и самодержавія), тѣмъ не менѣе не остановилась на этомъ, продолжала и продолжаетъ развиваться въ своихъ формахъ, юридическихъ основахъ и въ своихъ органахъ. Но послѣдующее развитіе есть развитіе уже данной сущности, такъ сказать, дальнѣйшій ростъ того зерна, которое созрѣло въ московскій періодъ. И потому намъ, поставившимъ себѣ задачей прослѣдить образованіе верховной власти, а не всю исторію ея, нѣтъ надобности выходить изъ предѣловъ XVII вѣка.

Тожe и относительно втораго процесса—образованія матеріальной основы власти. Здѣсь мы можемъ остановиться даже ранѣе, на времени присоединенія послѣднихъ удѣловъ. Дѣло въ томъ, что для матеріальнаго упроченія своей власти московскимъ князьямъ достаточно было выполнить ближайшую задачу—объединеніе всѣхъ удѣловъ и сверженіе татарскаго ига. Первое вмѣстѣ съ территоріальнымъ обогащеніемъ устраняло соперниковъ власти (удѣльныхъ князей), а второе—освобождало власть московскихъ князей отъ ханской зависимости, дѣлало ее самостоятельной. И то и другое произошло почти одновременно.

Дальнѣйшее округленіе московскихъ владѣній происходитъ уже за счетъ прямыхъ завоеваній у сосѣдей—частью русскихъ земель, частью чужихъ. Эти завоеванія, раздвигая предѣлы московскаго государ-

ства, для матеріальной опоры власти въ сущности не прибавляютъ ничего существеннаго. Присоединивъ послѣдніе удѣлы, московскіе князья чувствуютъ подъ собою уже достаточно твердую почву.

Такимъ образомъ, опредѣляются хронологическіе предѣлы нашего очерка (XIV—XVII вв.).

Идея государственнаго объединенія была главнѣйшей политической идеей того времени, о которомъ у насъ рѣчь и руководящимъ началомъ многихъ государствъ. На западѣ Европы представителями ея были, напримѣръ, Капетинги во Франціи. Собираніе разрозненныхъ земель въ одно цѣлое было, такъ сказать, потребностью времени, необходимою ступенью къ образованію государства. Неудивительно, что идея собиранія, объединенія возникла и на русской почвѣ, и русское государство образовалось такъ же, какъ и нѣкоторые западно-европейскія, путемъ собиранія.

Первая попытка государственнаго объединенія Руси была сдѣлана на юго-западѣ галицко-волинскими князьями, потомками Романа Великаго. Имъ удалось объединить отдѣльныя волости галицко-волинскихъ земель и въ XIV вѣкѣ они уже называютъ себя въ сношеніяхъ съ нѣмецкимъ орденомъ „королями русскими и князьями владимирскими“ или „князьями всей Малой Россіи“. Однако, близкое сосѣдство Литвы, которая тоже предприняла объединеніе и покусилась на русскія княжества, погубило дѣло юго-западныхъ князей. Они принуждены были подчиниться Литвѣ, и юго-западная Русь вошла въ составъ литовскихъ владѣній. Въ исторіи этой кратковременной попытки государственнаго объединенія весьма любопытны черты государственнаго порядка, установившагося, или, лучше сказать, сохранившагося отъ старины въ это время въ галицкой Руси. Онѣ показываютъ, какимъ путемъ шло

здѣсь объединеніе и какую государственную форму оно имѣло принять. Оказывается, что въ политической жизни края въ это время вмѣстѣ съ княземъ играли большую роль боярство и дружина и былъ въ полной силѣ органъ народовластія—вѣче. Договорныя грамоты юго-западной Руси съ пѣмекимъ орденомъ написаны не только отъ имени князя, но и отъ имени знатнѣйшихъ бояръ и дружины. Народъ, граждане принимаютъ дѣятельное участіе въ борьбѣ съ литовскими князьями, руководятъ ею. Послѣ паденія г. Луцка бояре всей Волыни признаютъ своимъ княземъ Гедимина, выговорили себѣ сохраненіе правъ, обычаевъ и вѣры. Одача Кіева литовскому князю происходитъ по рѣшенію народнаго вѣча... Очевидно, тлетворное вліяніе на народныя обычаи и учрежденія татарскаго ига здѣсь не пошло такъ далеко, какъ на сѣверо-востоцѣ, гдѣ татары были ближе и гдѣ въ описываемое нами время вѣчевой бытъ приходилъ въ упадокъ.

Галицкая попытка государственнаго объединенія была единственною попыткою такого рода на югѣ Руси.

Почему же, однако, не было сдѣлано здѣсь ни до, ни послѣ болѣе плодотворной попытки? Почему Русь не собралась и не образовала прочнаго государства въ кіевскій періодъ, когда были брошены первыя сѣмена государственной жизни и политическія начала, которыми жила кіевская Русь, исчезли безслѣдно изъ русской жизни?

Въ домосковскій періодъ было два политическихъ центра, изъ которыхъ могло бы произойти государственное объединеніе—Кіевъ и Новгородъ. Однако, ни тотъ ни другой этого не сдѣлали.

Новгородъ при отдаленности и полной изолированности своей не могъ выполнить такую задачу. Да онъ никогда и не обнаруживалъ къ этому стремленій. Наоборотъ, Новгородъ всегда чуждался политической жизни низовой Руси, сторонился ея и даже относился

враждебно къ ней. Кромѣ того, формы политической жизни самого Новгорода, городской общины, города-республики, исключали возможность расширенія его предѣловъ до объединенной Руси. Новыхъ же формъ политической жизни на томъ же принципѣ народо-властія Новгородъ не успѣлъ выработать. Въ періодъ броженія и разложенія старыхъ формъ явилось московское единоедержавіе и уничтожило самый Новгородъ, какъ самостоятельное государство-городъ.

Кіевъ въ этомъ отношеніи подавалъ больше надеждъ. Онъ былъ центромъ всей низовой Руси, пульсомъ ея, біеніе котораго чувствовалось даже въ далекой новгородской области, „матерью русскихъ городовъ“, столицей великаго князя. И населеніе кіевской Руси, несмотря на то, что раздѣлено было на самостоятельными отдѣльными землями—княжества, сознавало свое единство. „Русская земля“—часто на устахъ народа и князей. И это не пустой звукъ. Ихъ дѣйствительно объединяло единство происхожденія, единство вѣры послѣ принятія христіанства, единство княжескаго рода, наконецъ, общность интересовъ въ дѣлѣ охраны страны отъ внѣшнихъ враговъ. Кругъ дѣятельности князей не ограничивался предѣлами одного княжества. Они заключаютъ между собой союзы, сѣзжаются на сѣзды, предпринимаютъ совмѣстные походы на „поганныхъ“, совершаютъ акты, имѣющіе общерусское значеніе („Русская правда“, торговые договоры съ греками).

Но наряду съ этими несомнѣнными элементами земскаго единства, существовали не менѣе несомнѣнные элементы земской розни. Составныя части народонаселенія южной Руси, по словамъ историка Соловьева—„только еще несогласныя начала вещей въ общественномъ хаосѣ: князья съ дружинами жили сами по себѣ, города сами по себѣ, пограничные народцы сами по себѣ“, и каждое княжество, каждая земля сама по себѣ—добавимъ мы съ своей стороны.

„Легко было перессорить князей родичей, ничего не стоило разрознить интересы князей съ интересами гражданъ и пограничныхъ народцевъ.“ Элементы розни вездѣ существуютъ одновременно съ элементами единства, но обыкновенно послѣдніе перевѣшиваютъ первые. Въ южно-кѣвской Руси соотношеніе силъ центро-стремительныхъ и центробѣжныхъ, очевидно, было обратное. И вслѣдствіе этого получалась совершенно своеобразная картина жизни кѣвской Руси.

Все населеніе постоянно переходитъ съ мѣста на мѣсто, движется по княжествамъ. Двигается боярство, дворянство, движутся крестьяне. Связи, завязывающіеся между населеніемъ и мѣстностью и между населеніемъ и властью, т. е. князьями, безпрестанно порываются, завязываются вновь и опять разрываются.

„Чтобы удержать всё части въ связи, надобно было, чтобы движеніе, знаменующее первый богатырский періодъ (русской исторіи), не прекращалось, чтобы представители историческаго движенія, князь и дружина, не прекращали своего движенія, но перебѣгали бы безпрестанно огромныя пространства восточной равнины, не давая волостямъ обособляться, возбуждая ихъ непрерывно къ общей жизни“. (Соловьевъ). Однако, это мало помогало. Власти, руководители политической жизни, не поспѣвали за населеніемъ, движеніе продолжалось и всё формы частной, общественной и государственной жизни дѣлались крайне неустойчивыми и измѣнчивыми. Едва-ли можно доказывать, что такая подвижность, текучесть составныхъ частей русскаго населенія, сильно препятствовала образованію государства. Современное ученіе о государствѣ требуетъ для образованія государства опредѣленной территоріи, опредѣленнаго состава населенія и опредѣленной власти. Въ кѣвской Руси безпрестанно мѣнялась территорія, на которую простиралась княжеская власть, мѣнялось количество и составъ населенія и сама

власть княжеская, стоя рядомъ съ народнымъ вѣчемъ, эспаривавшимъ у князя власть, не была единой и подвергалась всѣмъ случайностямъ. Очевидно, для образования прочнаго государства необходимо было прежде всего, чтобы измѣчивость уступила мѣсто устойчивости и опредѣленности, и прежде всего „жидкое“, по выраженію историка Соловьева, состояніе населенія перешло въ твердое. Пока же это не произошло, не могло образоваться устойчивыхъ формъ государственной жизни. И неудивительно, что южная Русь, „несмотря на вышній блескъ своего быта, не могла устоять ни противъ стремленія сѣверныхъ князей, потомковъ Долгорукаго; ни противъ натиска азіатской орды.“

На сѣверо-востокъ въ этомъ отношеніи условія сложились болѣе благопріятно—какъ естественныя, такъ и политическія.

Давно уже замѣчено вліяніе природы на человека, а отсюда и на формы его частной и общественной жизни. Особенно рѣзко выступаетъ вліяніе природы при сравненіи жителей юга съ жителями сѣвера. И вотъ, на историческихъ судьбахъ Россіи вліяніе природы выразилось, по мнѣнію историка Соловьева, въ томъ, что государство русское создано на сѣверѣ, а не на югѣ, хотя началась государственная жизнь на югѣ. Естественнo-географическія условія сѣвера сдѣлали русскихъ болѣе способными сравнительно съ южанами къ созданію прочныхъ формъ государственной жизни.

Соловьевъ объясняетъ это такимъ образомъ:

„Природа роскошная, съ лихвою вознаграждающая и слабый трудъ человека, какъ это было въ кievской Руси, усыпляетъ дѣятельность послѣдняго какъ тѣлесную, такъ и умственную; пробужденный разъ вспышкой страсти, онъ можетъ оказать чудеса, но такое напряженіе силъ не бываетъ продолжительно“. И потому кievская Русь не создала прочнаго государства.

„Природа же болѣе скупая на свои дары, требующая постояннаго и нелегкаго труда со стороны челоуѣка, какъ это было на сѣверо-востокѣ Руси, держитъ послѣдняго всегда въ возбужденномъ состояніи: его дѣятельность не порывиста, но постоянна; постоянно работаетъ онъ умомъ, неуклонно стремится къ своей цѣли; понятно, что народонаселеніе съ такимъ характеромъ въ высшей степени способно положить среди себя крѣпкія основы государственнаго быта, подчинить своему влиянію народы окружныя, отличающіеся другимъ характеромъ“...

И дѣйствительно, государство, заложенное на сѣверо-восточномъ суглинкѣ, оказалось чрезвычайно прочнымъ.

На сѣверо-востокѣ произошло то, что не могло произойти въ кievской Руси и что препятствовало созданію прочныхъ политическихъ формъ. Здѣсь наконецъ, прекратилось безпрерывное движеніе населенія и оно мало-по-малу усвоило осѣдлый образъ жизни. Произошло это, конечно, не сразу. Сначала прочно усьлся князь, а затѣмъ стало постепенно осаживаться и все населеніе; такимъ путемъ у князя и у населенія образовалась тѣсная связь съ данною мѣстностью, явился мѣстный интересъ, который конкретно выразился въ хозяйственной эксплуатаціи края, въ разработкѣ его естественныхъ богатствъ и въ возникновеніи земледѣлія, торговли и промышленности. Другими словами—обозначилось очень важное для созданія прочнаго государственнаго организма условіе—въ видѣ мѣстнаго интереса, привязанности населенія къ данной мѣстности, связь его съ краемъ при помощи тѣснѣйшихъ изъ узъ—матеріальныхъ.

Когда князь прочно усьлся въ своемъ княжествѣ, то онъ сдѣлался центромъ мѣстности, къ которому стало тяготѣть мѣстное населеніе. Подобное тяготѣніе было тѣмъ естественнѣе, что населеніе во многомъ было

обязано князю. Первый осѣдлый житель, князь, былъ и первымъ воздѣльвателемъ края. Поселенцы „являются въ страну, гдѣ уже хозяйничаетъ князь; князь строитъ городки, призываетъ насельниковъ, даетъ имъ льготы; насельники всѣмъ обязаны князю, во всемъ зависятъ отъ него, живутъ на его землѣ, въ его городахъ“.

Такимъ образомъ, за первымъ государственнымъ элементомъ (мѣстный интересъ) явился и второй въ видѣ правительственнаго центра, постоянной и опредѣленной правительственной власти, связанной съ населеніемъ тоже прочными матеріальными узами (княжеская власть).

Изъ новыхъ условій возникъ и новый политическій порядокъ, отличный отъ порядка южно-русскаго и извѣстный въ нашей исторіи подъ именемъ „удѣльнаго.“ Особенности его состояли въ слѣдующемъ:

На югѣ Руси, въ кievскій періодъ, русская земля разсматривалась какъ общая собственность цѣлаго княжескаго рода, а отдѣльные князья были лишь временными владѣльцами доставшихся имъ столовъ и земель—княжествъ. Этимъ, согласно порядку очереднаго владѣнія княжествами, объясняется передвиженіе князей и вмѣстѣ съ ними населенія. На сѣверо-востокѣ Руси русская земля перестала быть собственностью цѣлаго рода князей. Она разбилась на отдѣльныя княжества—удѣлы, какъ ихъ стали здѣсь называть, и каждое такое княжество—удѣль стало собственностью того князя, которому оно досталось—вотчина. Изъ временныхъ владѣльцевъ князья обратились въ постоянныхъ собственниковъ своихъ княжествъ. Фактъ—чрезвычайно крупный въ исторіи политической жизни Россіи.

Удѣлы соединялись въ болѣе крупныя земельныя единицы—въ „земли“ (ростовско-суздальская, тверская, рязанская и т. д.). Въ каждой „землѣ“ былъ, подобно южно-русскому обычаю, свой стольный городъ и свое

великое княженіе. Такимъ образомъ, быть великій князь ростовскій, затѣмъ владимирскій, великій князь тверской, рязанскій и т. д. Великокняжескіи столы передавался по старшинству, по крайней мѣрѣ, первое время; удѣльные же княжества передавались по отчинному началу, т. е. отъ отца къ сыну, внуку и т. д. по прямой нисходящей. Стало быть, при раздробленіи сѣверо-восточной Руси на обособленные земли—княжества, въ предѣлахъ отдѣльных княжествъ еще была общая связь въ видѣ великаго княженія, которое разсматривалось какъ общее достояніе князей данной земли. Удѣльные же княжества обратились въ совершенно обособленные владѣнія на правахъ полной собственности ихъ князей.

Позднѣе и великое княженіе сдѣлалось принадлежностью одного княжескаго дома—московскаго и, въ концѣ концовъ, даже вотчины одного князя.

Управленіе въ удѣльномъ княжествѣ имѣло довольно своеобразный характеръ. Князь смотрѣлъ на свои владѣнія, какъ на хозяйство, изъ котораго надо извлечь возможно больше дохода. Поэтому онъ не столько управлялъ имъ, сколько эксплуатировалъ его, хозяйственныя обязанности князя совершенно не отдѣлялись отъ правительственныхъ. „Государь“ все время заслонялся „вотчинникомъ“, и княжескіе „приказчики“ вмѣстѣ съ тѣмъ были и его „чиновниками“.

Такой переходъ со стараго кievскаго основанія политическаго порядка на новый произошелъ, конечно, не сразу. Сѣверо-восточная Русь, заселенная въ значительной степени выходцами изъ южной кievской, хранила традиціи своей первой родины, и наряду съ новыми политическими теченіями жили старыя. Но несомнѣнно, новыя возобладали надъ старыми и особенно рѣзко обозначилось отмѣченное новое положеніе князя. Изъ него вытекъ цѣлый рядъ чрезвычайно важныхъ политическихъ послѣдствій, сдѣлавшихъ возмож-

нымъ объединеніе Руси. Подъ вліяніемъ удѣльнаго порядка Русь сначала раздробилась, а потомъ объединилась.

Благодаря тому, что князья смотрѣли на удѣлы какъ на свою личную собственность, удѣлы дѣлились между всеми наслѣдниками и, переходя изъ поколѣнія въ поколѣніе, все болѣе и болѣе дробились. До какой степени быстро шло и какихъ размѣровъ достигало такое прогрессивное раздробленіе можно видѣть на примѣрѣ ростовско-суздальской земли. По смерти Всеволода—Большое Гнѣздо ростовско-суздальское княжество распадалось на 5 частей, при чемъ изъ Владимірскаго княжества, которымъ дѣти владѣли сообща, выдѣлились 4 удѣла: Ростовскій, Переяславскій, Юрьевскій и Стародубскій. Въ слѣдующемъ поколѣніи, при внукахъ Всеволода, изъ Владимірскаго княжества выдѣлилось еще три новыхъ удѣла: Суздальскій, Костромской и Московскій. Изъ Ростовскаго княжества тоже выдѣлились новые удѣлы—Ярославскій и Углицкій, какъ и изъ Переяславскаго—Тверской и Дмитрово-Галицкій. Остались безъ измѣненія только Юрьевское и Стародубское княжества, такъ какъ здѣсь было только по одному наслѣднику. Такимъ образомъ, во второмъ поколѣніи послѣ Всеволода явилось 12 частей изъ оставленныхъ имъ 5. Дробленіе пошло дальше и, на примѣръ, Ростовское княжество, распавшись сначала на Ярославское и Углицкое, послѣ разбилось еще на собственно Ростовское и Бѣлозерское, а послѣднія въ свою очередь стали раздробляться на болѣе мелкія части. Такъ, Бѣлозерское въ теченіе XIV и XV вѣковъ раздѣлилось на слѣдующіе удѣлы: Кемскій, Согорскій, Ухтомскій, Шелешпанскій, Андожскій, Вадбольскій и другіе. А Ярославское за то же время разбилось на удѣлы—Моложскій, Спцкій, Заозерскій (на берегу Кубенскаго озера), Кубенскій, Курбскій, Новлинскій, Юхотско-Бохтюжскій и другіе.